

ИСТОРИЧЕСКИЕ
ПРИКЛЮЧЕНИЯ

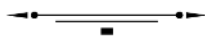

ЛЕВ
ПРОЗОРОВ

ПЕРУНУ СЛАВА!

Коловрат
против звезды

ЯУЗА-ПРЕСС
МОСКВА
2016

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
П79

Прозоров, Лев Рудольфович.

П79 Перуну слава! Коловрат против звезды / Лев Прозоров. — Москва : Яуза-пресс, 2016. — 288 с. — (Исторические приключения).

ISBN 978-5-9955-0877-9

Славянский коловрат против хазарской звезды.

Русские дружины против несметных орд.

Несокрушимая стена червленых щитов против Дикого поля.

Объединившись под стягом князя Святослава, славянские племена сбрасывают ненавистное хазарское иго.

Грозный боевой клич русов заглушает истощный степной визг.

«Ррррусъ!» — и катятся с плеч вражьей головы.

«Ррррусъ!» — и Итиль-Волга течет кровью.

«Ррррусъ!» — и русское знамя со знаком разящего Сокола и солнечной Яргой поднимается над руинами Хазарского каганата.

Окаянный Итиль-город, стиснувший горло древней арийской реки, должен быть разрушен!

Слава Перуну!

УДК 821.161.1-312.4

ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-9955-0877-9

© Прозоров Л.Р., 2016

© ООО «Яуза-пресс», 2016

Глава I

Нежданная встреча

Ладьи летели по течению Десны. Менялись дружинники — то спали, то гребли, помогая силой рук и спин силе воды. Да и ветер помогал, поддувая в спину. Первый день было легко — Десна словно давала приноровиться к себе, свыкнуться.

Вихря пришлось оставить в Новгороде-Северском. Ряско тоже, но об этом-то сожаления в душе Мечеслава Дружины почти не было. Одно дело выучный конёк-слуга, другое — боевой товарищ. Но так приказал сам Святослав. «Если сладим дело, — сказал князь, — ещё вернёмся за конями. Если нет — лучше уж коням тут быть».

Не то чтобы Мечеслав сомневался в отроках-конюхах Новгорода-Северского. Но душа всё едино лежала не на месте. Пришлось накрепко запереть в душе это беспокойство. Сколько уж таких запертых углов в душе... Этак с годами она и впрямь превратится в сплошные заборы, как в городе, где каждый двор обрастает плетнями да тынами.

Потом миновали Соснишу, и река начала яростно, будто змея под рогатиной, петлять влево-вправо, мимо

ЛЕВ ПРОЗОРОВ

Хороборя и до самого Блестовега. Городки на берегах были — поменьше Новгорода, вроде Курска или иных, уже виденных Мечеславом в Северной земле. Проплывая мимо них, ладьи не останавливались, но с передней, там, где грёб наравне с прочими Святослав, пел рог — и отзывались рога с частоколов. И сидевший спиною вперёд на скамье грёбца сын вождя Ижеслава видел, как распахиваются ворота, как сталкивают в воду ладьи — и те бегут по реке вслед за ними. С каждым городом всё больше.

У Хороборя даже вышли на берег переночевать — хоть и дорого было время, а извилистое русло, богатое мелями, лучше всё же было одолевать на свету, а не в потёмках. Насады поставили под берегом, сбросив якоря — коряги на просмоленных верёвках.

Устраиваясь на ночлег у костра, Мечеслав спросил Верещагу:

— А что это за Распятый бог? Он разве немецкий? Я слышал, ему греки молятся. И чего его слугам на вашей земле надо?

Вольгость открыл было рот ответить, но над их головами раздался голос Ясмунда:

— Отвечу я.

Мечеслав тоскливо вжал голову в плечи. Ответы седусого на «лишние разговоры» — а лишними сын Вещего Ольга считал едва ли не все разговоры, не касающиеся воинской учёбы, — особой приятностью не отличались, да и разнообразием, в общем, тоже. «Десять кругов по двору крепости в полном доспехе». «Возьмёшь у тиуна козла. Поднимешь на плечи. Поднимешься на башню и спустишься обратно — и козла не выпускать». Это ещё дружинникам из посвящённых. Отрок и вовсе чувствовал себя счастливым, когда речь шла о переборе кольчуг

ПЕРУНУ СЛАВА! КОЛОВРАТ ПРОТИВ ЗВЕЗДЫ

по звеньям или чистке желудей — а могло прозвучать и «Времени много? Вот и славно, а у нас конюшни не чистены, и нужник тоже».

Но на сей раз Ясмунд его удивил — да и остальных дружинников и взятых в поход отроков последнего года.

— В племени моего отца верили — и он запомнил это и передал эту веру мне, — что перед концом мира из восточных земель придёт корабль с войском мертвецов. Женовидный красавец, лиходей Локи, которого за его злодеяния прочие Боги распяли на скале и низвергли в Преисподнюю, будет держать кормило того корабля. А вслед за ним будет плыть в волнах порождение злого красавца — великий Змей Йормунганд, и будет выть вечно голодную глоткой другой его ублюдок — Лунный Пёс. И все они придут, чтоб убить наших Богов, — Ясмунд замолк, а молодые дружинники поражённо смотрели на одноглазого. Никогда еще не говорил он столь долгой речи — и она, по всему, ещё не была окончена. — А теперь, говорил отец, с востока приходят люди в чёрных одеждах, и называют себя они — мертвецами, умершими для мира. И красиво, как у женщины, лицо их бога, и любят они изображать его распятым, и сами не скрывают, что он сходил в Преисподнюю. А ещё он сравнивал себя со змеем на столбе и учил своих живых мертвецов быть мудрыми, как змеи. И они сами называют своё полчище «кораблём»¹. А за их спинами, в жарких землях, по-собачьи воют с меченных мёртвой луною вышек еще одни враги Богов и древней Правды. Отец учил меня. А я научил тех, кому был отцом.

---

¹ Традиционное в христианском символизме обозначение общины, церкви.

ЛЕВ ПРОЗОРОВ

Чёрствы́е губы под седьми́ усами тронула тень улыбки, когда жёлтый взгляд единственного глаза Ясмунда коснулся кормы, на которой, завернувшись в плащ, спал Святослав. Сын Ольга Вещего говорил не только о тех сыновьях, кого зачинал.

— Рагнарёкк идёт, говорил мне отец, — продолжил Ясмунд. — Великая битва с врагами Богов. Рог протрубил, знамёна подняты. Надо быть глухим, чтобы не услышать зова. Надо быть слепым, чтобы не увидеть знаков на стягах. Кому ещё так повезло? Кому из витязей минувших времён выпало встать в сече против — не горного великана, не ночного людоеда, не огненного змея — против самого Врага Асов?!

В глазу седоусого полыхал лютейший янтарный огонь. И жуткая улыбка-оскал жёлтых зубов — по-прежнему пугала, но не отталкивала больше, завораживала, как оскал резного чудища на разрезающем волны носу корабля.

— То есть... — изумлённо проговорил Мечеслав Дружина, — мы бьёмся за Тех, Кто всё равно проиграет?

— Неверно! — рыкнул Ясмунд, поворачиваясь к нему. — Ты что, из отроков не вырос, вятич? Мы бьёмся за Тех, Кто погибнет, — а это совсем иное. А ты, вятич, ты-то сам до недавних пор — думал, что хазар можно свалить?

— Нет, — Мечеслав покрутил голову. — Не думал...

— А чего ж ты тогда с ними дрался?

Мечеслав пожал плечами. А что им оставалось? Не мириться же с коганью...

— Вот так и у нас, — угрюмо проронил одноглазый, отворачиваясь. — Так и у нас, вятич.

Уснул в ту ночь Мечеслав не сразу. И сны ему снились жутковатые. Виделась огромная волна, вздымающаяся

ПЕРУНУ СЛАВА! КОЛОВРАТ ПРОТИВ ЗВЕЗДЫ

над окоёмом, будто над бортом тонущей ладьи. Виделся струг, в котором сидели живые мертвецы в чёрных одеждах, а у кормового весла стоял главный Мертвец-Кощей...

Чернигов был вдвое, если не втрое больше Новгорода-Северского, и Мечеславу Дружине оставалось только гадать, сколь же велик главный город Руси, если и это — столица всего лишь Северского края, а не всей державы. Стоял Чернигов на холме, над высоким правым берегом Десны, чуть выше того места, где впадала в Десну неширокая Стрижень. Под Черниговом встали на ночлег второй раз. Ладей к тому времени прибыло чуть ли не вдвое. Лиц тех, кто на них приплыл, Мечеславу было не видать, но по голосам, далеко разносившимся над водой, когда насады тесно утыкались в берег, слышно было, что и тут было больше молодых воинов — его или Вольгостевых лет.

— Завтрашний день, — сказал своим дружинникам, сходящим с насадов на берег, князь Святослав, — может кончиться битвой. Мне понадобятся все ваши силы. Отдыхайте.

Из крепости, возведённой северским князем Чёрным, погибшим от рук хазар в годы Ольга Освободителя, на встречу князю вышел посадник — от этого, недобро знакомого слова Мечеслав поморщился, непросто было привыкнуть, что здесь посадником величают не хазарского тудуна, а наместника своего, русского князя. Здешнего, черниговского посадника звали Претичем. Был он в высокой шапке, гривна свисала с толстой крепкой шеи на широкую грудь. Брови у Претича были густые, мохнатые, и такие же мохнатые тёмно-русые усы подковою. Между бровей пролегли морщины — черниговский по-

ЛЕВ ПРОЗОРОВ

садник озабоченно хмурился. Князя он приветствовал по-дружинному обычаю, вскинутой рукою.

Рядом с Претичем шёл ещё один человек, при виде которого Мечеславу вновь показалось, будто он спит — благо, и князь с дядькой Ясмундом и его старшим сыном приветствовали спутника черниговского посадника точно так же, как давным-давно, семь лет тому назад, приветствовал в городце Хотегоще его Дед нежданного гостя. Оба вождя руси сняли с голов шелома вместе с прилбичами и опустили на одно колено, склонив обнажённые головы — одинокие пряди спадали по выбритым головам с макушки к левому уху, у Святослава — золотистая, у Ясмунда седая. И точно волна прошла по дружине князя-Пардуса — молодые воины, русины, севера и кто там ещё был — все припадали на одно колено и склоняли головы, сдёргивая шлемы или прилбичы.

Хотя на сей раз на человеке, перед которым опускались на одно колено вожди и воины, были не пропотевшая дожелта рубаха, не свалывшаяся и пыльная овчинная безрукавка, не выцветшие порты со стоптанными пошевнями, а совсем другие одежды. Седую голову венчала, прикрывая щетину и звездчатые шрамы, красная остроконечная шапка с вышитою на лбу золотою яргой. Сивая борода, на сей раз расчёсанная и уложенная, опускалась поверх застёжки синего плаща на белую длинную рубаху, подхваченную алым кушаком. Одна-единственная черта осталась в его облике неизменной — на ремне через плечо висели у бедра гусли. Те самые гусли, которые слушал во дворе Хотегоща отрок Мечша семь с лишним лет тому назад.

— Доуло?! — вырвалось у Мечеслава. — Гусляр Доуло!

На нём тут же сошлись множество взглядов — удивлённых, недоумевающих, гневных. Старый гусляр сперва

ПЕРУНУ СЛАВА! КОЛОВРАТ ПРОТИВ ЗВЕЗДЫ

приподнял мохнатые брови над жёлтыми глазами, а потом весело прищурился — морщины шустро разбежались по медно-красному лицу.

Он коснулся плеч Святослава и Ясмунда — они поднялись на ноги, а за ними и дружина — и прошёл через строй воинов к сыну вождя Ижеслава.

— Юный вятич из Хотегощи, — улыбнулся волхв Мечеславу, а тот смущённо поклонился в ответ. — Вижу, вождей и соратников ты находишь так же удачно, как находил вопросы в отроческие годы.

Щёки Мечеслава вспыхнули от радости. Старый волхв помнил его!

— Вот твоего имени я, прости, не припомню, — длинные пальцы гусляра коснулись лба под красным колпаком.

— Меня зовут Мечеславом, мудрый Доуло, — вятич снова поклонился волхву. — Я сын вождя Ижеслава, а русины прозвали меня Дружиной.

— Ну что ж, — усмехнулся гусляр. — Назовусь и я: ты меня помнишь под родовым моим именем, здесь же меня чаще называют Бояном.

— Я слышал! — радостно воскликнул Мечеслав. — Вольгость вот к тебе собирался податься в ученики!

Старый гусляр, которого, оказывается, звали Бояном, с улыбкой повернулся вслед за взглядом вятича к Верещаге, что стоял рядом, благоговейно внимая беседе друга с великим волхвом. Слова Мечеслава произвели на него странное действие — можно было подумать, что друг внезапно ударил его ножом: Вольгость дёрнулся и застыл на месте с приоткрытым ртом и широко распахнувшимися глазами, беззвучно вопиявшими: «За что?!» Краска отлила от его лица. Стоявшие рядом гридни-русины по-

ЛЕВ ПРОЗОРОВ

спешно склонили головы перед волхвом, но их плечи под плащами подозрительно мелко тряслись.

Из-за укрытых синим плащом плеч волхва за беседой наблюдали трое, перед которыми дружинники почтительно расступились.

Претич смотрел хмуровато, по всему было видно, что черниговский посадник не понимает, чего ради прославленный гусляр тратит время на юных гридней, и терпит только из уважения к волхву.

Святослав смотрел весело.

Одинокий глаз Ясмунда смотрел... как обычно.

— Ну что ж, — смерив обливающегося холодным потом Верещагу взором смешливо прищуренных глаз, неторопливо выговорил Боян. — Вот закончим дело в Киеве, можно будет и поглядеть, какой из тебя ученик, русин Вольгость.

Бледно-серый Вольгость молча склонил голову в поклоне.

— Мудрый... — окликнул Бояна Претич.

Тот вздохнул, поворачиваясь к князю и воеводам, и они двинулись к воротам Чернигова, продолжая свой разговор. Доносилось «ополченье», «немцы», «чехи», «Свенгельд»...

Только тогда Вольгость Верещага обрёл, наконец, дар речи.

— Вввятич... — с чувством произнёс он, обхватывая голову руками и садясь наземь прямо там, где стоял. — Я тебя убью... когда-нибудь... наверное...

— Так ты ж уже пытался, Верещага, — напомнил Ратьмер.

— Да уж, лучше заново не принимайся, — поддержал его другой русин, Хотьслав. — А то хазар тут нету, разнимать вас с Дружиной некому...

ПЕРУНУ СЛАВА! КОЛОВРАТ ПРОТИВ ЗВЕЗДЫ

Мечеслав виновато присел рядом с другом на корточки:

— Ну... прости... Он у нас в городце, где я в отроках был, гостил... беседовал. Ну, я прямо как в отрочество вернулся, как его увидел... Вот и...

— Вот и молчал бы, как отроку полагается! — проворчал несчастный Вольгость, утирая пот с лица.

— Он солгал, Вольгость?

Молодые гридни дружно вздрогнули. Ясмунд, оказывается, никуда не ушёл — заклятие, что ли, какое знал, позволявшее быть невидимым, пока пожелает?

— Я тебя спрашиваю, Вольгость, вятич солгал? Ты не говорил, что хочешь в ученики к Бояну?

— Нет, воевода... — подавленно отозвался вскочивший на ноги Верецага. — То есть да... говорил... Я ж в шутку!

— И ты попрекаешь других за несдержанный язык?! — жёлтый глаз седоусого смерил опустившего лицо Вольгостя от шапки до пошевной. — Закончим дела в Киеве, пойдёшь к Бояну. В ученики.

— Воевода, я... — отчаянно начал Вольгость.

Одноглазый, уже разворачивавшийся вслед за князем, оглянулся через плечо, и Верецага обречённо умолк.

— Ты, — произнёс сын Вещего Ольга, — будешь в следующий раз выбирать предметы для шуток осторожнее.

И зашагал прочь.

— Если он будет, следующий раз, — жизнерадостно заметил Ратьмер, когда одноглазый воевода отошёл достаточно далеко. — Если Верецага в присутствии Бояна попытается спеть, старик его самое малое голоса лишит, а то и вовсе превратит во что-нибудь... потише.

Икмор утешающе похлопал несчастного Вольгостя по плечу.

ЛЕВ ПРОЗОРОВ

— Ну, — рассудительно заметил он, — во всём и хорошую сторону найти можно. Теперь тебе сеча с этим, как его, Адальбертом, точно не страшна будет. Слушай, Дружина, а ты что ж — у тебя, выходит, сам Боян Вещий гостил, и ты молчишь?

У Вольгостя, судя по взгляду, было своё мнение по поводу молчания друга, но после Ясмундовой отповеди он предпочёл взглядом и ограничиться.

— Так я ж не знал, что он Боян и есть, — пожал плечами Мечеслав, ему тоже было неловко из-за того, как он невольно подвёл приятеля. — Да и гостил он не у меня, а в том городце, где я в пасынках рос.

— Эй, вы тут поселились, на дороге?! — окликнули их поднимавшиеся от реки к воротам дружинники.

Драться друзья на сей раз были не в настроении, поэтому просто сами пошли к воротам, чтоб не загораживать пути другим.

В сердце Чернигова возвышалось строение из потемневших от времени и непогод дубовых брёвен. Дубы росли и вокруг него. На ограде, словно на частоколе лесного городца вятичей, скалились людские черепа, в которых намётанный глаз признал бы уроженцев степных и лесных племён и иных, дальних земель. Были тут и совсем уж чудные головы — вытянутые, будто колпаки¹. Всё это была добыча войн и походов северских князей за многие столетия.

Над четырёхскатной тесовой крышей строения островерхой шапчонкой, примостившейся на маковке

---

¹ Некоторые степные племена с незапамятных пор практиковали деформацию черепа. Сейчас эти причудливо выглядящие останки, напоминающие головы инопланетян из фантастических фильмов, можно увидеть в музеях Ростова-на-Дону или Азова.

ПЕРУНУ СЛАВА! КОЛОВРАТ ПРОТИВ ЗВЕЗДЫ

великаншей головы, поднимался дымник. Сейчас из-под него валил густой дым.

Внутри, в свете разложенных под кровлею очагов, вышались четыре столба белого камня — их тоже четырёхста лет назад приволокли из похода на дальний полдень в обозе северской рати.

Отзвучали слова обряда, взвились вверх багряные завеси между каменными столбами, и стоявшими под сводами строения — жрецам, волхву Бояну, князю Святославу с воеводами и посаднику Претичу — явился огромный истукан из дерева. Два серебряных лица смотрели на полночь и на полдень. Перун, дающий доблесть и правду воинам Руси, и Велес, принимающий души честно погибших. Люди задержали дыхание, пока занавеси были подняты — негоже смертным дыханием своим осквернять лики Богов. Таков был обычай, единый от этих земель до родных для руси берегов Варяжского моря.

После того как Боги приняли жертвы, во дворе храма на глазах пришедших поклониться Богам жрецы провели белого коня — священного скакуна, который отроду не знал иных наездников, чем верховный жрец святилища, — над тремя парами связанных крест-накрест копей.

Белый скакун раз за разом перешагивал через копыта правой ногой — и с каждым его шагом лица князя и воевод светлели. Правое копыто священного коня означало благоволение Богов, сулило удачу. Шаг с левой ноги был недобрый знак. Настал черед последней пары древков, и тут конь взвился, будто укушенный, — и перемахнул копыта не шагом, а прыжком.

Вскинув в прыжке вперёд обе ноги — и правую, и левую.

— Что это может значить, мудрый? — князь нахмурился и требовательно поглядел на Бояна.

